

БЕСПРИНЦИПНЫЕ ЧТЕНИЯ

ФЕСТИВАЛЬНЫЙ СБОРНИК #5

ВПЕРВЫЕ
ВСЕ ТЕКСТЫ,
ВЫШЕДШИЕ
В ФИНАЛ

Рецензия АПЕЛЬСИНОВ ПОД СНЕГОМ

БОЛЕЕ
70
АВТОРОВ

АЛЕКСАНДР ЦЫПКИН / АЛЕКСАНДР МАЛЕНКОВ
АЛЕКСАНДР БЕССОНОВ / ДИАНА УДОВИЧЕНКО
СОС ПЛИЕВ / НАТАЛЯ ВОЛОШИНА И КО

Одобрено Рунетом

Алексей Боярский

**Беспринципные чтения №5.
Рецепт апельсинов под снегом**

«Издательство АСТ»

2025

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Боярский А.

Беспринципные чтения №5. Рецепт апельсинов под снегом /
А. Боярский — «Издательство АСТ», 2025 — (Одобрено
Рунетом)

ISBN 978-5-17-170184-0

Литературно-театральный проект «Беспринципные чтения» и «Астрель-СПб» представляют самый полный беспринципный сборник – в котором впервые публикуются все рассказы, вышедшие в финал, в том числе прочитанные со сцены.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-170184-0

© Боярский А., 2025
© Издательство АСТ, 2025

Содержание

Дмитрий Петров	7
Мать гигагода[1]	7
Диана Удовиченко	9
Северный Орел	9
Сос Плиев	11
Масленица	11
Наташа Волошина	13
Застенчивые ивы	13
Светлана Иванова	15
Палыч	15
Анна Бабина	18
Восемьсот пятьдесят	18
Марина Яковлева	21
Супница	21
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Беспринципные чтения # 5. Рецепт апельсинов под снегом. Сборник

Серия «Одобрено Рунетом»

Концепт-редакторы:

Александр Цыпкин и Анастасия Приц

Редакторы-составители:

Евгения Адушева, Анастасия Аргутина, Анна Зимова, Анастасия Иванова, Екатерина Серебрякова

© Авторы, текст, 2025

© ООО «Издательство АСТ», 2025

«Каждый раз, работая над составлением сборника „Беспринципных чтений“, я понимаю две вещи. Во-первых, можно уходить на пенсию, потому что есть прекрасные авторы, которые меня заменят. А во-вторых, можно уходить на пенсию, потому что есть что читать. Так что, дорогие друзья, если (ну мало ли?!) вы собрались на пенсию, запасайтесь сборниками „Беспринципных чтений“. Но даже если не собрались, все равно запасайтесь, вам будет интересно».

Александр Цыпкин, писатель, сценарист, эксперт по стратегическим коммуникациям, основатель литературно-театрального проекта «Беспринципные чтения»

«Я уже несколько раз участвовал в фестивале, который делает Саша Цыпкин с командой, и всегда радуюсь, когда смотрю на зрителей, которые пришли просто слушать Слово. Не громогласное шоу смотреть, не театральную постановку, а именно слушать и слышать».

Сергей Бурунов, российский актер театра, кино, озвучивания и дубляжа, пародист, телеведущий

«Фестиваль новой короткой прозы „Беспринципные чтения“ на протяжении восьми лет дает возможность начинающим авторам заявить о себе. Сейчас вы держите в руках пятый сборник современной русской прозы, выпущенный в рамках проекта. Что-то вам не понравится, а что-то через много лет станет классикой. У вас есть уникальная возможность быть в числе первых, кто составит свое мнение о книге прямо сейчас».

Анастасия Приц, продюсер, специалист по маркетингу и коммуникациям, издатель, сооснователь литературно-театрального проекта «Беспринципные чтения»

Дмитрий Петров

Мать гигагода¹

Вы всё еще верите в мудрость матушки-Природы? Что в ее устройстве есть замысел? Не замечаете очевидных ляпов? Блин, да вы что?

Возьмите акулу. Безжалостный хищник, машина для убийства. Но перевернешь ее на спину – не работает: контакты заливает. Не дашь ей плыть – помрет: жабры схлопываются. Будто мать Природа в какой-то момент охладела к своей дочке и бросила недоделанную в океан. Вообще не понятно, как эта особа может называться матерью.

Вы в курсе про деревья? О, деревья были ее любимчиками! Представляю, как она любовалась своим творением. Листики, плоды, прохладная тень... А по сути, из земли торчит бревно. А по земле пресмыкаются всяческие гады и прочие эукариоты. В один день они стали сиротами. Родная мать посадила все их любимые вкусняшки на длинную палку и подняла к небу. Разве только раз в год по случаю урожая с веток что-то свалится.

Да, детишки, ваша мама вас разлюбила. Теперь все лучшее – деревьям. В глубине души Природа понимает, что получилось немножко высоко.

– Ладно, я что-нибудь придумаю, – решает она.

И вот через 100–150 миллионов лет к дереву подходит жираф.

– Теперь все заработало как надо, – радуется Природа.

Жираф регулярно подравнивает дерево. Урожай больше не пропадает. Всяким гадам и эукариотам продукт достается ежедневно, пусть и в переваренном виде. Такова судьба нелюбимых. Вроде бы все прекрасно, пока жирафу не надоедает сухомятка. Он подходит к речке и становится раскорякой. Мать внимательно следит. Переживает, как сработает питьевой насос, которым она оснастила деточку. Собирается публика.

– Бедный ребеночек! Такой молодой, а уже инвалид... Мамаша, что вы его мучаете, дайте ему стакан!

– Я в советах не нуждаюсь! Я его альтернативно одарила!

– АМ!!! – Пока яжмать-Природа скандалит, жирафа утаскивает под воду крокодил.

Природа решает оставить все как есть. В конце концов, и крокодилам надо чем-то питаться, они же дети, вот им большая и неуклюжая добыча. Кстати, насос работает.

– Мамаша, ваш сын выпрыгивает из речки и пожирает любого, кто приблизится!

– Пока он сытый, он никого не трогает, пейте сколько влезет! – огрызается Природа. Ее мысли всё еще заняты деревьями.

Проходит еще 100–150 миллионов лет. Прямо с небес, кружа, спускаются звонкие птицы. Они садятся на самые высокие ветки, клюют самые сладкие ягоды, до которых даже жирафу не достать. (Отлично, значит, можно сделать дерево еще выше!) Гадам и эукариотам продукт достается ежедневно. Все работает. Но одна птичка летит куда-то мимо дерева...

– Мамаша, ваш ребенок сидит на пенисе жирафа!

– Он наказан, а вы не лезьте в воспитательный процесс!

Природа любит на дерево, жирафа и птичек.

– Так они мне всё тут обожрут! – скоро понимает она. – Сделаю какую-нибудь кошку.

---

¹ Гигагод (англ. gigayear) – единица времени, равная одному миллиарду лет.

Проходит еще 50 миллионов лет. Кошка карабкается на дерево, хватая птичку и очень кстати распугивает остальных. Природа может гордиться собой. Проект «дерево» выходит на самоокупаемость. Стоп! Нет, не выходит.

– Киса! Киса, прыгай сюда, не бойся!

Оказывается, кошка умеет вверх по дереву, а вниз – нет. Вцепилась в макушку и мяукает.

– Неужели я забыла сделать задний ход?

Мать гигагода снова кумекает, чем помочь своему чаду. Как обычно, за счет других чад, потому что дети должны расплачиваться за грехи своих родителей, так уж у нее заведено.

– Придумала! – наконец восклицает она. – Вот мне и пригодятся эти, которым я не дала ни клыков, ни когтей. Соберу-ка я из них пожарную команду. На это мне понадобится каких-то пара миллионов лет.

Теперь вы понимаете, почему Природа не заставила деревьями всю планету. Да потому что она сама поняла свою глупость! Как было бы идеально размазать живность по планете ровным слоем таким бульоном, но нет, ведь наша мама инженер.

Что? Вы мне не верите? Птицы были раньше жирафов? Даты не совпадают? Я вас умоляю! Поменьше верьте ископаемым. Природа прекрасно замечает следы своей глупости, ей ничего не стоит подменить исполнительную документацию.

Откуда я все это знаю, спросите вы меня? С какой стати осуждаю великий замысел, хаю нашу общую мамочку? Все очень просто. Разрешите представиться: я ее новейший любимый проект. Последнюю тысячу лет она занимается исключительно мной и, похоже, только входит во вкус. Я жертва чудовищного по своей глупости эксперимента. Комплекс неполноценности на жидких ножках. Попытка создать тварь дрожащую из волка и росوماхи, чтоб порадовать вас, двуногих. Я чихуахуа.

Диана Удовиченко

Северный Орел

– Знакомься, это Матвей, – сказала Ксюша.

Матвей с изумлением воззрился на эфемерное существо: четыре крошечные лапы, два уха, трогательная челка и веселые глаза. Видовую принадлежность существа определить было затруднительно.

– Кто это?

– Помнишь, ты хотел собаку?

– Собаку хотел, – согласился Матвей. – А это кто?

– Йоркширский терьер, щеночек.

– Тебя обманули. Стаффордширские терьеры – это собаки. А йоркширские – так, недо-разумение.

– Ну мааая, – жеманно протянула Ксюша. – В общем, знакомься: это Матвей.

– Ты уже второй раз меня ему представляешь. Не много ли чести?

– Ты не понял. Это он Матвей.

– А я тогда кто?! – устало переспросил Матвей.

– А ты мой мааая.

– Зачем ты назвала его моим именем?

– Это заводчики. В общем, он Матвей Северный Орел. Я когда услышала, сразу поняла: это судьба. Здорово, правда?

– Замечательно, – кивнул Матвей, глядя на невесомого тезку. – А почему Орел?

– Питомник так называется.

Похоронив мечту о стаффордширском терьере, Матвей старался не обращать внимания на терьера йоркширского. Но это было сложно: щенок почему-то проникся к Матвею теплыми чувствами, встречал после работы и весело атаковал его ноги.

Из страха наступить на собакообразного таракана, Матвей обучил его командам «фу!» и «сидеть!». Щен усвоил их быстро, сел и терпеливо ждал, когда Матвей с ним поиграет.

Дабы не возникло путаницы, Матвей стал звать питомца Северным Орлом, а потом просто Орлом. Щенок радостно отзывался.

Первое время Ксюша носила Орла на прогулки в специальной розовой сумке. Но Орел не хотел сидеть красиво, а рвался познавать мир, к тому же гадил в сумку. Пришлось решать вопрос с выгулом.

Теперь Орел с еще большим нетерпением ждал Матвея с работы. А Матвей старался не задерживаться, дабы не обмануть ожидания Орла и не убирать кучки с лужами. На улице пес изо всех сил вел себя прилично и даже знал команду «к ноге!». По ночам Орел гнезился на подушке Матвея, игнорируя свою фасонистую лежанку, а утром будил, тычась в лицо мокрым носом.

Наступили холода, Ксюша купила Орлу, чтобы не мерз, розовую шубку со стразами.

– Он же мужик, – рассердился Матвей.

Посадил Орла за пазуху и отправился в зоомагазин, выбрал псу brutальный камуфляж.

Теперь они на прогулке были одеты одинаково – суровые мужики.

В общем, к году Орел оформился в симпатичного и умного терьера, только крошечного, не стаффордширского. Но имелся у него щенячий недостаток: оставаясь дома один, Орел грыз все, что плохо лежало. Возможно, ему казалось: стоит совершить запретное, как вернутся хозяйка, чтобы наругать. Орел готов был к наруганию, лишь бы не оставаться в одиночестве.

Так Матвей с Ксюшей лишились трех зарядных от телефонов, нескольких пар тапочек, и прочих приятных мелочей. Орел не мог сдерживать пагубную страсть к разрушению. Ксюшу это огорчало.

– Не бросай вещи где попало, – говорил Матвей. – Раз уж не хочешь воспитывать свою собаку.

Но однажды Орел совершил страшное. Матвей пришел домой, его встретил истерический вопль Ксюши. Орел, съездившись, сидел в углу и трясся.

– Что случилось?

– Он сумочку погрыз!

– И черт с ней, новую купим, – утешал Матвей.

– Это настоящая «Шанель»! – рыдала Ксюша.

– Ну такую же и купим. Не злись, он же еще маленький.

Орел, не услышав в голосе Матвея сердитых ноток, обрадовался, завилял хвостом, бросился через комнату к обожаемому хозяину.

И тут Ксюша со злобой дала ему пинка. Орел пронзительно взвизгнул, упал на бок. Потом встал и снова двинулся к Матвею, но как-то неуверенно, припадая на одну лапу. Матвей сгреб питомца в охапку.

Через полчаса он уже был в лучшей ветклинике города:

– У собаки травма. Нужна помощь.

Но Орел и не думал помирать. По настоянию Матвея, ему сделали рентген и УЗИ всего Орла, взяли все возможные анализы. Орел обследование вынес с честью, только лез целоваться к симпатичной девушке-доктору.

– Не волнуйтесь, – сказала доктор, наглаживая Орла. – Небольшой ушиб правой передней лапы. Немного похромает, и пройдет.

– Спасибо.

– Не за что. У меня тоже терьер, только стаффордширдский, – улыбнулась девушка.

– Серьезная собака.

– Да, но он очень воспитанный. Например, знает, что маленьких обижать нельзя.

– Маленьких обижать нельзя, – повторил Матвей.

– Вот, держите, – доктор протянула визитку. – Если возникнут вопросы, звоните, не стесняйтесь.

Вскоре на карту Ксюши упала внушительная сумма. Вслед за суммой явились Матвей с Орлом.

– Так и знала, ничего ему не сделалось, – прощбетала Ксюша. – Иди сюда, зайка.

Орел уже забыл обиды и рванулся к хозяйке. Но Матвей крепче прижал его к себе.

– Возместил тебе стоимость пса и сумки. Такси внизу. Уходи.

– Что?! – пролепетала Ксюша. – Из-за собаки?!

– Из-за МОЕЙ собаки.

– Но ты же хотел жениться, детей...

– Вот именно. Я хотел детей. А маленьких обижать нельзя. – Матвей водрузил Орла на свою подушку.

Ксюша ушла, хлопнув дверью.

На следующий вечер, выгуливая Орла, Матвей сунул руку в карман и нащупал визитку. «Если возникнут вопросы, звоните не стесняйтесь», – сказала она.

Матвей набрал номер доктора.

У Орла вопросов не было. У Матвея был только один вопрос.

Сос Плиев

Масленица

У нас очень дружный, хороший двор. У нас во дворе соседи отмечают все праздники. И религиозные, и советские, и осетинские, и славянские. И 9 мая, и День космонавтики, и Курбан-байрам. Само собой, Новый год, 8 Марта и 23 Февраля. И даже устраивают маскарад для детей на Хэллоуин.

Группа активных соседей ко всему подходит основательно! И как-то пару лет назад наступила Масленица, и дворовые затейники решили не ограничиваться блинами и чаями, а сжечь чучело Маслены.

Естественно, все примерно представляли, как выглядит эта Маслена, и понимали, что нужно сено, цветастый сарафан с платком, а самое главное: нужна основа из двух палок, скрепленных в виде креста.

Основу хотели поручить делать мне. Но я рукожоп. Это во-первых. А во-вторых, искать палки... Доски... Короче, я отказывался, и жена моя, обидчивая Сима Маирбековна, со словами «Ну и не надо! Я Татарова попрошу» схватила телефон.

Надо сказать, что мой товарищ Алан Татаров, у которого есть столярный цех, даром что псих, ей, естественно, отказать не смог. Ну, потому что недавно мы подарили ему диван в этот самый цех и дважды кормили в неурочное время. И признаемся честно, Татаров боялся меня обидеть отказом.

Короче, он внимательно выслушал, что от него требуется. Долго говорил: «Вот вам всем делать нехрена», но приступил к изготовлению.

А я между тем поехал покупать сено. На скотном базаре сена было дофига. В офигенных тюках. Ходили степенные фермеры, трогали его. Морщились. Уходили, приходили, торговались.

Я никогда не покупал сено. Я сено видел только в виде стогов на полях. В кино. А в тюках сено я видел только в мультике «Ну, погоди!». Там волк на сеноуборочной машине за зайцем гонялся.

Но я виду не показывал. Тоже морщился, недовольный. Мол, не то, конечно, нынче сено. Вот раньше! Чистый клевер! Короче, на меня уже косились и фермеры, и продавцы. Две местные собаки ходили за мной по пятам, видимо, опасаясь, что я могу спереть тюк с сеном.

Наконец я решился.

– Нормальное у тебя сено? – развязно спросил я у сурового торговца в камуфляжной куртке.

Он обиженно всплеснул руками:

– Лучшее! Матерью клянусь!

– Почему?

– 180.

А я не слежу за ценообразованием на этом рынке. На всякий случай решил проявить осведомленность:

– Ты чё? Какие 180? Давай по 150!

– Брат! Я вообще по 200 отдаю! Но тебе сделаю скидку! 180! Это прямо золото, а не сено! Тебе для кого?

– Для жены.

Продавец внимательно посмотрел на меня и скрылся в глубине фуры.

Через секунду из недр фуры прилетел тюк сена и плюхнулся у моих ног.

– Вот. Бери по 150!

В этом «вот», мне послышалось «Для себя оставлял. Но для тебя не жалко».

А через два дня Татаров гордо мне сообщил, что не только выполнил заказ, но и сам привез и сам до дверей доставил.

Вечером приезжаю. Выхожу из лифта, вижу то, что привез Татаров, и тихо вою.

Татаров непонятно к какой конфессии принадлежит. Человек мира. Но он очень уважительно относится ко всем религиям. И к изготовлению основы для языческой Маслены подошел ответственно. Он решил, что делать ее из банальной рейки не солидно. Видимо, хотел угодить лично Симе Маирбековне и христианству в целом. А незнание матчасти компенсировал рвением и щедростью.

И сделал крест. Вернее, сваял. Высотой два с половиной метра. Из доски «пятерки». Обрезной. Сосновой.

Нормальный такой крест, своими формами и пропорциями напоминающий православный. Только без второй поперечной перекладины.

Именно этот крест стоял возле нашей двери. Прекрасно отполированный, аж светится. Я попытался его подвинуть. Крест не поддавался.

Потом мне рассказали подробности подъема этого творения.

Когда Татаров припер конструкцию, он как джентльмен не мог оставить ее возле подъезда. Боялся, что сопрут. Но в лифт его произведение, естественно, не влезло. И он понес его на шестой этаж.

Нести крест удобно только в одной позе. Это космополит и атеист Татаров понял уже на уровне второго этажа.

И вот он совершает свое восхождение на Голгофу, матерится по-осетински, но делает это тихо и смиренно.

А у нас тогда в подъезде на пятом этаже ремонт шел. И там работяга, закончив свои дела, бухну'л, как положено, и собрался домой. И выходит в подъезд. А навстречу ему кряхтящий и матерящийся Татаров с крестом на спине.

Мужик взвыл, перекрестился, упал на колени и начал биться головой о пол, обещая завязать с греховной привычкой. Татаров, кстати, утверждает, что, несмотря на тяжесть и занятые руки, мужика тогда перекрестил и благословил.

Ну, короче, Татарыч донес свое изделие, пообедал и убыл, на прощанье заметив, что еще раз укрепился в атеизме.

На следующий день это был уже наш крест. Во двор мы спускали его вчетвером...

Маслена получилась что надо. Как в кино про Русь-Матушку. И вот ее подпалили. Весьма быстро сгорели сено и одежда. Минут за пять. А вот сосновая основа сдаваться не хотела. И часа два во дворе пылал крест. И проводы Масленицы стали походить на собрание ку-клукс-клана.

Дети устали водить хоровод, доели блины, поплакали и тихо разошлись по домам.

Взрослые сурово смотрели на пламя и нашу семью.

Я предложил потушить крест и спрятать его до 9 мая, чтобы ко Дню Победы сделать чучело Гитлера и дожечь.

Никто не поддержал.

Но в целом праздник удался.

Наташа Волошина

Застенчивые ивы

Несколько лет назад во время мундиала мы с друзьями медленно прогуливались по Чистопрудному бульвару. Быстро прогуливаться не могли, ибо выползли из спортбара натурально на бровях.

В тот вечер наши продули Уругваю 3: 0. Естественно, нас одолевала грусть, и мы нестройно, но громко выводили гимн всех проигравших: «Какая боооль, какая боооль...» Гимн летел над прудом, в котором красиво отражались вечерние фонари, и нам становилось немножечко легче.

Вдруг мы наткнулись на компанию веселых латиноамериканцев, которые сидели на скамейке с барабаном и пивом – явно праздновали победу.

– Тысяча чертей! – закричали мы голосом Боярского. – Врага надо знать в лицо!

И стали срочно знакомиться с «врагом». По-моему, они все-таки были не из Уругвая. По-моему, они вообще были откуда-то из Африки, потому что чернокожие. А еще у них с собой был зеленый флаг, а у Уругвая флаг с голубыми полосочками. Но тогда это все казалось совершенно несущественным.

– Да вам сегодня просто повезло! – сообщили мы «латиносам» на смеси английского, французского и немецкого (кто что изучал в школе). – А нам просто не повезло! А так бы мы вас порвали, как тузик грелку. Ясно?

«Латиносы» тоже были в кондиции, поэтому нагло ответили на смеси французского, английского и испанского:

– Это вам повезло, что вы проиграли всего 3: 0, а не 10: 0! Ясно вам? Везет тому, кто везет! Ясно? Вам?!

Ну тут мы вообще...

– А вы! А вам! А мы... – загалдели хором.

– Зато мы плаваем лучше! – неожиданно перекрикнул всех Миша.

И сразу же перешел к делу – начал раздеваться. Снял и демонстративно бросил на асфальт футболку, как заправский стриптизер. Мы со Светкой, Мишиной женой, даже немного обалдели. Чуть покачиваясь, Миша стянул брюки.

– Давайте на спор! Кто быстрее доплывет вон до того домика в центре пруда, тот и победил! Да вы и плавать, поди, не умеете?

– Это мы не умеем плавать? – заорали взбешенные «латиносы». – Да мы плаваем как рыбы!

И они тоже начали раздеваться и швырять футболки и джинсы на тротуар.

Мы со Светкой были в полном восторге: молодые темнокожие парни раздевались на наших глазах совершенно бесплатно.

– На старт, внимание, марш! – гаркнула Светка.

И мужики разных национальностей попрыгали в воду.

Наши сразу стали орать:

– А-а-а, холодная! А-а-а, тут водоросли! А-а-а, цепляются за ноги!

При этом они, поднимая брызги, молотили руками по воде и довольно шустроплыли к домику в центре пруда, который вообще-то был плавучим рестораном, красиво освещенным ночной иллюминацией, и вообще-то в нем ужинали люди, но разве могли они остановить международный заплыв?

«Латиносы», очутившись в воде и намочив трусы, сразу повыскакивали обратно:

– Это невозможно, вода ледяная! Верная смерть от переохлаждения! – повторяли они, стуча зубами, дрожа, как левретки, и торопливо одеваясь.

Наши в это время добрались до «домика», повисли там на какой-то приступочке, стали махать из воды и кричать иностранным соперникам:

– Рос-си-я! Рос-си-я!

– А потом запели: «Я так привыкла жить одним тобой, одним тобой...»

Как нас тогда в полицию не забрали – я не знаю. Подозреваю, полиция где-то поблизости валялась в кустах от смеха.

– Русские – вы сумасшедшие люди! – сказали нам со Светкой предположительно уругвайцы и горячо пожали руки.

В это время наши мужички в центре пруда добрались до припева и поднажали: «Знаешь ли ты, вдоль ночных дорог шла босиком, не жалея ног...»

«Латиносы» были поражены в самое сердце. Они восхищенно качали курчавыми головами в такт знаменитой песне Максим и прикладывали руки к той стороне, где у них сердце. А потом взяли и подарили нам свой зеленый флаг.

Вот так далеким июньским вечером 2018 года Россия проиграла Уругваю в футболе, но выиграла в плавании.

Светлана Иванова

Палыч

Я проснулся от смачного удара в левую щеку. Вздрыгнув всем телом, помешкал несколько секунд, взрыкнул и открыл глаза. Казалось бы, за сорок лет мог и привыкнуть к пощечинам – сколько их уже было, да и еще будет. Но эта – первая, утренняя – всегда самая внезапная, ошеломляющая и вызывающая недовольство.

Да уж, поворчать я, конечно, люблю. Понятное дело, возраст обязывает, но мне и самому доставляет внутреннее удовольствие, неспешно передвигаясь по улице, особенно в час пик, скрипеть до откровенного скрежета, выбешивая лощеные, натертые воском наглофарые инфинити, мерседесы и даже трудовых собратьев – общественный транспорт и такси. «Чертов ржавый старикашка!» – недовольно гудят, сдерживая подкапотных коней, подстраиваясь под мою скорость, все сзади ползущие участники дорожного движения. А я только побрякиваю оконными стеклами, разьежающимися в громадные щели даже от такой неспешной скорости. Подумаешь, ползу! Я еще и воздух могу изрядно подпортить, газанув где-нибудь на подъеме! Да так, что даже выдавшие виды лохматенькие жигуленки, выбравшиеся в кои-то веки в город из своей деревенской сарайки, вздрогнут всем радиатором и, поперхнувшись, начнут чихать и кашлять, и это будет перемежаться с матами их владельцев.

«Кто только выпускает на линию таких мастодонтов!» – экологи, чиновники и просто чистолюи недоумевают. А я-то знаю совершенно точный ответ! Выпускает меня на линию механик золотые руки и платиновые мозги Александр Федорович. Ну как «выпускает»... Его бы воля, давно бы сдал меня в металлолом и избавился от головной боли и восьмидесяти процентов своей работы. Но воли не дает директор ПАТП² Павел Иванович. Точнее, отец директора и по совместительству «держатель моего руля» Иван Палыч. Все потому, что пришли мы в пассажирское автопредприятие вместе, наполовину тезки (он Палыч, я ПАЗ – выпускник Павловского автозавода), и уйдем, как любит говаривать Палыч, в один день.

И все пощечины, кстати, включая утреннюю, исключительно его рук дело. Это он от души хлещет меня по левой щеке, захлопывая за собой водительскую дверь. И не со зла вовсе, а для плотности ее прилегания.

Обижаться мне на Палыча грех. Помимо заботы о моем ржавом теле, на нем тяжкий груз выслушивания всех ярких эпитетов от встречных-поперечных про «ведро с болтами», «консервную банку» и прочих менее благозвучных, но гораздо чаще и громче звучащих незатейливых матерных словечек, на которые Палыч обычно отмалчивается, прикидываясь глухонемым, или просто скрывает свой проверенный медкомиссией слух за рыком моего моторишки.

Как это ни странно, пассажирами я не обделен. То ли оттого, что маршрут мне предписан самый колдобистый и те, кто попадает на остановку в этом направлении, готовы к «лучше плохо ехать, чем хорошо идти», то ли народ здесь другого транспорта испокон века не видел. Контингент упраздненных пенсионных лет, докатывающий на работу в город до своего вновь установленного стажа и возраста. Им на такую мелочь, как попахивающий, скрипящий и сифонящий в ржавые мелкие дырочки автобус, фиолетово – доработать до заслуженного отдыха и окопаться в огороде, чтобы и дорогу забыть за его забор.

Пассажиры терпят даже нудную, вечно бубнящую Зинулю-кассира, комментирующую каждое их движение, начиная от входа и оплаты за проезд. «Ты куда ломишься! Куда! – откры-

---

² ПАТП – пассажирское автотранспортное предприятие.

вається Зинулин рот одновременно с автобусной дверью. – Катули куда в проходе разложила? Мелочь-то! На паперти, что ль, стоял? Грязищи-то несешь! Комья с сапогов отряхни! Ты куда уселась? Не видишь, дед с палкой стоит?!» Но голос у Зинули, хотя и громкий, приятный, низкий, с горловой глубинкой. Она им когда-то в школьном хоре зарабатывала грамоты и призовые места в конкурсах. Однажды даже ездила в «Артек» – всесоюзную здравницу для умных, послушных и талантливых пионеров. Про «Артек» она рассказывала как-то Палычу после смены, когда в сердцах жаловалась на пассажиров, из-за которых вынуждена в пять утра бежать на работу и потом, вместо того чтобы, подремывая на переднем сиденье автобуса (то есть меня), мечтать о море, отвлекаться на разную их, пассажирскую, карманную мелочь.

Я, кстати, пассажиров тоже не всегда долюбиваю. Недавно вот очень хотел выплюнуть на ходу одного, прямо через заднюю вечнозакрытую дверь. Ну или не выплюнуть, а как там правильно, когда через зад. Главное, чтоб он побыстрее вылетел и пиво свое вонючее не забыл.

Но чаще всего пассажиры меня не раздражают. Даже по молодости, когда набивался их целый салон, распирая мне брюхо и смешно щекоча изнутри. Я тогда с трудом задвигал створки двери, пожимкая какую-нибудь застрявшую между ними деваху и, поживаясь от удовольствия, вприпрыжку шуршал шинами по дорожным ямкам.

Теперь не до жамканья. Если и защемишь ненароком зазевавшуюся на входе бабуся, то она так своей рабоче-крестьянской рукой отожмет дверь обратно, что аж в сочленении хрустнет. Да и смеяться я теперь боюсь, ржавчина сыплется.

Пять моих рабочих дней из недели я провожу в дороге. Потом Палыч и Зинуля уходят на выходные, а меня тормозят в гараже, который работает без отдыха, не покладая гаечных ключей, стаканов и костяшек домино.

* * *

Но сегодня вдруг в конце смены перед привычной мойкой Палыч тормознул меня у дверей конторы, на взмах руки выходящего из нее сына-директора. Пал Иваныча – директора – я, конечно же, знал в лицо еще с тех лет, когда он пацаненком наворачивал мой руль, подпрыгивая на упругом сиденье и всюю сигнала мелькающим в свете фар гаражным мухам и комарам. Хотя каких «тех»? Я его помню еще кулечком с голубой ленточкой, который Валентина (жена Палыча) бережно везла из роддома! Хорошая была женщина, добрая и красивая. Даже спустя много лет, когда я ее вез, уложенную посреди салона в деревянный ящик, окруженную сидящими в моих креслах хмурыми мужиками из нашего ПАТП, – красивая!

Павел Иваныч – директор – лицом на нее похож. Хороший он у нас парень, с душой.

«Бать, поговорить надо!» – вызвал Павел Иванович отца из моей кабины. Я напрягся. Но пощечины не последовало, водительская дверь осталась чуть приоткрытой. «Глянь, какие красавцы приехали! – с гордостью взмахнул рукой директор в сторону большой площадки для стоянки автобусов. – Обновляем автопарк! Выбирай, любой новый автобус за тобой закреплю!» Палыч посмурнел: «Нет, Паша, я уж вместе со своим ржавеньким „Палычем“ доскриплю потихоньку, да и на пенсию».

«Ну что ты, отец, как маленький! Грамотный человек, понимаешь же – требования к безопасности на дорогах серьезные, автобусы должны соответствовать! Да и пассажирам приятно с комфортом ездить», – настаивал директор. Палыч только отмахнулся – «на выходные я!», – забрался в кабину, шмякнул меня по щеке дверью и погнал в гараж.

* * *

Через два дня я проснулся от звука выезжающих из гаража молодых пофыркивающих маршруток, междугородних и рейсовых автобусов. Гараж опустел, а моего Палыча все не было.

Не было и Зинули. Ни слесари, ни механик внимания на меня не обращали, да и сам я чувствовал, что внутренности в порядке. Простоял я так два дня.

На третий в гараж среди бела дня пришел хмурый директор. Забрался в кабину, повернул ключ и, не включая фары, медленно выехал из гаража.

Посреди автопаркового двора толпился народ: водители, кондукторы, незнакомые мне тетки и мужики. А рядом с ними зловеще поблескивал боками черный, с золотыми виньетки катафалк. Двигатель мой застучал, как ошалелый, и... заглох. Никогда такого чуда не случилось. Что-что, а техническое состояние и исправность моих внутренних органов Палыч держал на строгом контроле!

Негорящие мои фары уткнулись в ящик. Деревянный, длинный, почти такой, в котором везли когда-то Валентину, только теперь в нем лежал... Палыч!

Директор спрыгнул из моей кабины на землю. «Паша, ты зачем это сюда привез?» – тихо, но так, что я расслышал, прошипела ему на ухо жена Ольга. Ольгу я тоже знал. Пашка ее когда-то после армии на мне по городу катал и на заднем сиденье в темном салоне тискал. Потом я весь в шариках и облитый шампанским возил их свадебных гостей, хотя уже и немолод был. Но ничего, веселья не испортил!

«Оля, ну ты же знаешь, батя...» – директор Павел Иванович обошел меня, открыл вечнозакрывающую заднюю дверь. «Заносите, мужики!» – скомандовал и отошел. Шестеро водил занесли в мой салон ящик, поставили его между сиденьями, и автотранспортный народ набился внутрь меня. За руль снова сел сам директор. А Ольга уехала на своей ауди, прихватив еще кого-то.

* * *

Допыхтев до верха большого холма с рядами красивых гранитных памятников, я остановился, похвалив себя в душе за то, что даже не газанул по дороге, не опозорил директора перед женой, ауди которой карабкалась по грунтовой дороге следом. Задняя моя дверь снова открылась, ящик вынесли, народ двинулся к крестам.

То ли задумался я, то ли слабость какая одолела, но колеса сами покатались вниз. Незакрывающаяся задняя дверь хлопала меня, подгоняя, но, получается, не вперед по дороге, а назад. Вот уже колеса потеряли ее, дорогу, и тянули меня по траве. Прямо туда, где у забора пункта приема металла коржились бурые скелеты машин, автобусов и прочего железного хлама...

Анна Бабина

Восемьсот пятьдесят

– Девушка, тут меньше килограмма. Восемьсот пятьдесят нормально?
Вздрыгнула. Ненормально, конечно. Восемьсот пятьдесят – ненормально.

– Завтра свежий привезут, приходите к девяти.

Молча приложила карту к считывателю.

Творог никогда не любила. Ни в детстве, ни когда нужно было есть как следует. В нее, как назло, ничего не лезло, и всюду преследовал запах сырой земли.

Праздновали ее день рождения, и кто-то неловко пошутил:

– Вот и ты, Аська, в «клубе двадцать семь».

Вова напустился на шутника:

– Чуть не мели. Ты знаешь вообще, что за «клуб двадцать семь»? Зачем человеку такое говорить, тем более в ее положении?

Ася пьяных извинений слушать не захотела – все это нисколько не задело. Вспомнилось потом, когда в полвторого ночи Вова с заспанным соседом тащили ее на носилках. Впереди бежал врач с головой рыжей и круглой, как мандарин.

Сосед спросил мужа шепотом, но она все равно услышала:

– Сколько недель?

– Двадцать шесть.

Разглядывая потолок скорой, она все еще не хотела понимать. Может быть, ложная тревога. Всякое случается.

«Я трижды на скорой каталась, – говорила подруга. – И вот результат!»

«Результат» скакал тут же – подвижный, красивый малыш.

О том, что все плохо, поняла по усталым глазам над маской.

– Спасаем мать, – сказали у самого уха.

Опять не поверила, что это о ней. Быть не может. Внутри шевелилась и перекатывалась та, другая – живая.

Попыталась заплакать, вдохнула что-то мятное и провалилась в пустоту.

Очнулась в интенсивной терапии. От стен исходили волны холода, подмораживая истерзанное тело, но боль не уходила. Иногда ей даже хотелось, чтобы болело сильнее – так легче не думать.

Соседки щебетали: мой то, мой се.

Асе никто ничего не говорил, а она не спрашивала.

Потом врач растолковывала: мы сами не были уверены, не хотели вас обнадеживать, восемьсот пятьдесят – не пятьсот, конечно, но тоже очень мало, ваше состояние не позволяло... Ася механически кивала и думала: будь я посильнее, набросилась бы. Разве можно – так? Почему ей даже волоска не дали, чтобы уцепиться?

Глаза были сухие, полные невидимого песка.

Когда разрешили вставать, увидела, как в пластиковом космическом кораблике крошечная инопланетянка с прозрачными ушками и пушком на тельце летит через вселенную.

«Птенчик», – подумала Ася. Однажды на прогулке с папой в лесу она видела гнездо с голыми розовыми дроздятами: «Не тронь. Пойдем отсюда, мы можем их погубить».

«Я чуть не погубила собственную дочь. Это я виновата, я. Почему я не уволилась? Почему не ела чертов творог? А если я не успею взять ее на руки?»

И снова не смогла разреветься – осела на пол, хватая ртом воздух.

«Вы не виноваты, так случается».

Когда через три месяца инопланетянку положили на весы и они показали два сто пятьдесят, Ася наконец заплакала.

Врач сдержанно улыбалась:

– Путь предстоит долгий. Мы не волшебники.

Вова спросил:

– Она будет... отставать?

– Мы ничего не можем сказать.

Девочка плакала тихо-тихо, словно ей нарочно убавили звук.

– Они все так плачут – слабенькие легкие, – сказал Вова. – Головка, как яичко. Марсианка. Давай назовем ее Аэлита?

– Все будет хорошо, – утешала мама. – Папка наш тоже недоношенным родился – и что? Кирпичи на спор о колено ломал.

Папа украдкой поглядывал на Асю – чужую, взрослую, истончившуюся за эти месяцы.

Ася делала вид, что рассматривает коллекцию декоративных тарелок. За годы она выучила ее наизусть: Мюнхен, Рим, Вена. Следующий ряд – Нижний Новгород, Псков, Казань.

«850!» – плюнула ей в лицо красными цифрами незнакомая тарелка.

Отпрянула.

– Что это?

– Ты о чем? А, про тарелку? Ленка из Копенгагена прислала. У них в этом году юбилей города...

Ася швырнула тарелку об пол.

«На что вы рассчитываете?»

«Вам повезло, могло бы быть гораздо хуже».

«Таких выхаживают, а потом мы инвалидов кормим».

«Естественный отбор никто не отменял».

Вова искал в интернете, обзванивал клиники, сидел на форумах.

– Смотри, – показывал. – Вот этот был меньше нашей Аэлитки на двести граммов – и ничего.

Ася кивала невпопад.

Через неделю сосед, тот самый, что тащил ее страшной ночью на двадцать седьмой неделе, спросил:

– Устали? Беспокойный у вас малыш. Плачет громко...

– Громко? – Голос подвел Асю.

– Да нет, что вы, нам не мешает, я так спросил.

– Громко, – повторила она. – Громко!

Ася выпрямилась и сделала несколько ленивых движений мочалкой. Ароматная пена, теплая вода. Когда-то она любила принимать душ, а сейчас ничего не чувствует. Словно чужое тело трет до малиновых пятен.

Вова в коридоре закричал:

– Ася, скорее!

Господи, что могло произойти? Зачем она отошла от дочери?

Ася выпрыгнула из ванной. Скорее, скорее! Поскальзываясь, голая и насмерть перепуганная, вывалилась в коридор.

Увидела: Вова на коленях, и между его рук – Аэлитка.

Стоит.

Сама.

– Представляешь, Вов, творога вот столько было.

Раздался топот, и в кухню влетела Аэлитка: волосы в разные стороны, подол платья заправлен в колготки.

– Мам, пошли, слона покажу!

Ася на секунду задержала мешочек с творогом в ладонях.

Восемьсот пятьдесят.

Вот так ощущается – восемьсот пятьдесят.

Марина Яковлева

Супница

– Это можно выкинуть?

Муж протянул ко мне раскрытую ладонь. На ней лежал небольшой потертый кусок чего-то.

– Где ты это нашел?

– В коробке. Одной из тех, что стояли на шкафу. Там куча всякого барахла, и вот это выпало.

– Это ручка.

– Ручка?

– Ага. Ручка от супницы из сервиза «Мадонна».

– Зачем тебе осколок какой-то супницы?

Я аккуратно взяла осколок какой-то супницы, протерла его от пыли, покрутила в руке. Муж нетерпеливо вздохнул, все еще ожидая ответа. Не дождавшись, вернулся к коробкам, снятым со шкафа в детской, и продолжил доставать из них вещи, внимательно перебирая одну за другой и временами хмыкая.

Я присела на край стула, стоявшего рядом, и задумалась.

Я мало что помнила из раннего детства. 1992 год, мне четыре. Мы живем на Новой Земле, в военном городке за полярным кругом. Папу называют непонятными словами «товарищ прокурор», а мама контролирует самолеты на большом экране, я однажды была у нее на работе, очень интересно и ничего не понятно.

У меня смешная черная шуба, в которой сложно быстро бегать. По выходным, вываливаясь всей гурьбой во двор, мы запрягаем в санки местную стаю собак, которая охраняет наш район. Я больше всего люблю обниматься с Чапой – он самый большой и важный, вожак стаи. А Линда, черная как уголь подруга Чапы, живет у нас под дверью и не пускает папиного сослуживца к нам в квартиру, скаля на него свои белоснежные зубы.

Почему всплывает именно это воспоминание, я не знаю, к сервизу «Мадонна» оно по факту и отношения-то не имеет. Но у моего мозга удивительное свойство, ко всему он подходит как-то издалека, словно подготавливая к чему-то важному.

Мы с мамой прожили у отца на Новой Земле всего год, когда нас экстренно вызвала бабушка. Деда не стало.

Сами похороны я не видела. Меня оставили дома. Наверное, не столько чтобы не травмировать мою детскую психику (мне кажется, я тогда мало понимала, что происходит), сколько чтобы не мешалась под ногами. Из того дня я запомнила хорошо лишь две вещи: рисунок на ковре в зале и красиво разукрашенную широкую вазу с массивной крышкой, стоявшую в серванте. Тогда я не знала, что это супница из бабушкиного сервиза, который дед невероятными усилиями раздобыл. «Мадонна»! Даже звучит массивно.

Ваза, она же супница, была вся в необычных воздушных рисунках на кремово-жемчужном фоне и напоминала дорогой леденец. Мне так хотелось лизнуть ее, но за весь день удалось только раз подойти к серванту и на секунду дотянуться до нее пальцем, когда бабушка в очередной раз подняла крышку и достала прямоугольные бумажки, которые отдала незнакомым мужчинам, одетым в синие комбинезоны.

Много лет спустя я узнала, что супница служила дедушке сейфом. Он складывал туда все свои записки и был уверен, что их никто не найдет, так как супница была исключительно

предметом интерьера. Конечно, бабушка и даже мама знали, где он хранит свои «на черный день». Волею судеб именно ими и расплачивалась бабушка тогда с грузчиками.

1998 год, мне десять. Я случайно разузнала про «тайник» в супнице. Увидела, как мама прячет туда куклу барби. До дня рождения оставалась неделя, и, когда никого не было в комнате, я тайком приподнимала крышку и любовалась блестящей новенькой упаковкой. Трогать куклу я не осмеливалась, боялась, что она не для меня, так как знала, сколько она стоит и как это дорого для мамы.

За все те годы, что я провела в родительском доме, я так ни разу и не видела, чтобы из супницы наливали суп. Чтобы в ней вообще побывало хоть что-то, кроме моей куклы и семейного бюджета.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.